

Татьяна Волкова

Сыктывкарский государственный университет
Институт гуманитарных наук
Кафедра русской и общей филологии
167001. г. Сыктывкар, Октябрьский проспект, 55
e-mail: volkovatf777@gmail.com

«Неполезное чтение» печорских крестьян

В статье анализируются особенности сюжета и композиции рифмованной *Повести о купце и жене его лукавой* по списку, найденному на Нижней Печоре и хранящемуся в Усть-Цилемском собрании Пушкинского Дома, показывается оригинальность печорского варианта Повести по сравнению со стихотворной фацецией на сходную тему, изданной А.В. Кокоревым в 1941 г.

Ключевые слова: Стихотворные фацеции, старообрядческая литература, рукописные книги с Нижней Печоры.

‘Unprofitable Reading’ of the Pechora Peasants

In the paper the characteristics of plot and composition of the rhymed ‘Tale about a merchant and his sly wife’ are analyzed. The study is based on a manuscript from the Lower Pechora, preserved in the Ust-Tsilem collection of the Pushkin House. Originality of the Pechora variant is shown in comparison with the verse facetiae on a similar theme published by A.V. Kokorev in 1941.

Keywords: versified facetiae, Old Believer literature, manuscripts from the Lower Pechora.

Среди разнообразных по жанру и темам произведений древнерусской литературы, активно читавшихся печорскими старообрядцами, создателями своеобразной рукописной традиции и хранителями старинных рукописных сборников¹, были и сочинения, в которых установка на «душеполезное чтение» уступала место смеховому началу. Литературу этого рода в научных исследованиях относят к «неполезному чтению»². Одно из таких сочинений находится в составе рукописного сборника конца XIX – начала XX в. из Усть-Цилемского собрания ИРЛИ, № 93 (л. 5 об.–16)³. Это рифмованная *По-*

¹ См.: Т. Ф. Волкова, *Книжный культурный центр на низовой Печоре в XVIII–XIX вв.*, «Acta Universitatis Lodziensis. Folia Litteraria» 32: *Kultura literacka Dawnej Rusi*, Łódź 1992, с. 135–147.

² См.: Е. Małek, «Неполезное чтение» в России XVII–XVIII веков, Warszawa – Łódź 1992.

³ Сборник кон. XIX – нач. XX вв., в 8-ку, на 16-ти лл., в бумажной обложке, переписан почерком, подражающим печатному шрифту; найден в д. Коровий Ручей близ Усть-Цильмы.

*весть о купце и о жене его лукавой*⁴. По характеру сюжета ее можно отнести к той группе «неполезных» повестей, которую рассмотрела и охарактеризовала в своем исследовании профессор Элиза Малэк:

Героини этих повестей виртуозно и остроумно обманывают своих мужей, заводя себе любовников и одновременно отводя от себя всякие подозрения в измене. Мало того, они смеются также над своими любовниками, ставя их в очень неловкие ситуации, артистически аранжируя встречи с ними в присутствии своих супругов⁵.

Усть-цилемская *Повесть о купце и о жене его лукавой* рядом сюжетных мотивов сближается с русской народной сказкой (цикл «Бабы увертки»), при этом собранные в единый сюжет в *Повести* эти мотивы оказываются разбросанными по разным вариантам сказки⁶.

Имеет печорская *Повесть* прямые параллели и со стихотворной фацецией, исследованной и опубликованной А. В. Кокоревым⁷ по списку И. Я. Лукашевича⁸ с разночтениями по списку из сборника 60-х годов XVIII в., принадлежавшего А. В. Кокореву⁹, местонахождение которого сейчас неизвестно.

Описание его см.: В. И. Малышев, *Усть-Цилемские рукописные сборники XVI–XX вв.*, Сыктывкар 1960, с. 133. Возможно, переписчиком рукописи был Иван Михайлович Вокуев, оставивший под текстом *Повести* на л. 16 запись скорописью и теми же чернилами, что и текст рукописи: «Ивань Михайловъ Вокуевъ руку приложилъ», читающуюся в той же формулировке и на л. 5. И. М. Вокуев, житель д. Рошинский Ручей, упомянут В. И. Малышевым в числе переписчиков рукописей и владельцев значительных рукописных собраний в конце XIX – первой трети XX в. (В. И. Малышев, *Усть-Цилемские рукописные сборники...*, с. 16, 24). На нескольких печорских рукописях (ИРЛИ, Усть-Цил. собр., 53, НБ СыктГУ, У-Ц р. 33, 79) сохранились его владельческие и читательские записи.

⁴ Первоначальную публикацию итогов исследования *Повести* и издание ее текста по печорскому списку см.: Т. Ф. Волкова, Е. В. Прокуратова, «*Повесть о купце и о жене его лукавой*» по усть-цилемскому списку, [в:] *Духовная культура Севера: итоги и перспективы исследования: Материалы конференции (2–4 ноября 1998 г.). К 10-летию научной деятельности Проблемной лаборатории фольклорно-археографических исследований Сыктывкарского университета*, Сыктывкар 2002, с. 218–239.

⁵ Е. Малэк, «Неполезное чтение» в России..., с. 15.

⁶ См.: *Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка*, сост. Л. Г. Бага, И. П. Березовский, К. П. Кабашников, Н. В. Новиков, Ленинград, 1979, с. 298 (№ 1419F*, 1419K* «Бабы увертки»); Н. П. Андреев, *Указатель сказочных сюжетов по системе Аарне*, Ленинград 1929, с. 86, № 1406 («Бабы увертки»).

⁷ А. В. Кокорев, *Русские стихотворные фацеции XVIII в.*, [в:] *Старинная русская повесть. Статьи и исследования*, Москва – Ленинград 1941, с. 216–284.

⁸ РГБ, собрание И. Я. Лукашевича и Н. А. Маркевича (ф. 152), № 1344. Сборник сер. XVIII в., в 8-ку, переписанный скорописью в 1747 г. (см.: Отчет Московского публичного и Румянцевского музея за 1870–1872 гг., Москва 1873, с. 31; Я. Н. Щапов, *Собрание рукописных книг И. Я. Лукашевича и Н. А. Маркевича. Описание*, под ред. И. М. Кудрявцева, Москва 1959, с. 42–44, № 41).

⁹ А. В. Кокорев датировал список по почерку и по филиграммам. Других сведений о сборнике исследователь не сообщает (см.: А. В. Кокорев, *Русские стихотворные фацеции...*, с. 222).

Мы сопоставили печорский список повести о жене купца (далее – УЦ) с *Повестью о купцовой жене и о прикащике*, опубликованной А. В. Кокоревым (далее – К)¹⁰ и выявили черты их сходства и различия. Объединяет эти повести прежде всего набор сюжетных мотивов и последовательность их введения в повествование (эпизоды «любовник за картиной», «любовник в шкафу», «баня»).

Различия повестей на сюжетном уровне сводятся к следующему: во-первых, в К отсутствует целый эпизод – «мнимая болезнь любовника», читающийся в УЦ после эпизода «баня» и продолжающий серию «уверток» купчихи; во-вторых, повести имеют разные концовки: в УЦ рассказ завершается небольшим «виршиком», в афористической форме характеризующим «бабьи хитрости» как причину несчастий тех мужей, которые вовремя не смогли их распознать; в К повесть оканчивается эпилогом (отсутствующим в УЦ), в котором сообщается о дальнейшей судьбе героев: после смерти купца приказчик женится на его вдове, становится хозяином всего его имущества, но живет в постоянном опасении оказаться самому на месте бывшего хозяина и испытать на себе силу «бабьих уверток» своей жены.

Кроме того повесть в сопоставляемых списках отличается и художественной разработкой сюжетных эпизодов. В К тема женских хитростей («уверток»), заявленная в завязке сюжета обеих повестей (слова приказчика о том, что он описывает «бабьи увертки», мотивируют последующие действия хозяйки, призванные показать на деле искусство женской хитрости), проходит лейтмотивом через весь текст, маркируя границы отдельных эпизодов, представляющих собой ряд иллюстраций «увертливости» героини, ее способности обмануть мужа. Таким образом, мотив «уверток» выполняет роль своеобразной сюжетной «скрепы», все время активизирующей в сознании читателя тему новеллы. В УЦ мотив «уверток», сохраняющий функцию завязки, далее уходит с поверхности повествования и возникает снова только в назидательном финале, переход же от эпизода к эпизоду уже не мотивируется желанием героини продемонстрировать приказчику очередную хитрость. Покажем это на ряде примеров.

В первом эпизоде «приказчик за картиной» тема «бабьих уверток» в К сначала звучит в ходе повествования, а затем еще раз всплывает в завязке локального сюжета. Стоя за картиной и ожидая неминуемой гибели, герой делает вывод о том, что только теперь познал истинную природу женской хитрости, знанием которой ранее похвастался перед хозяйкой: приказчик «вздохнул жалко: теперь я познал, что про бабьи увертки сказал» (с. 264). В развязке эпизода автор снова возвращается к этой теме в диалоге купчихи с приказчиком. Проводив мужа, она «кликнула прикащика к себе» и не без

¹⁰ Текст *Повести* издан в исследовании А. В. Кокорева на с. 262–266 и цитируется по этому изданию.

иронии спросила: «Ну, каковы бабы увертки тебе?», а когда приказчик в ответ на это выразил свою полную покорность воле хозяйки, добавила: «Таковы-то твои наветки, небось, никогда не знал бабы увертки» (с. 264). Всех этих рассуждений о «бабьих увертках» нет в УЦ. Сразу после сообщения об уходе обманутого мужа, который «опять в поле гулять убрел», здесь начинается второй эпизод, завязкой которого становится мотив угощения приказчика водкой.

Точно так же и в финале второго эпизода в К «приказчик в шкафу» героиня снова напоминает о цели нового испытания любовника: «жена из шкафа прикащика свободила, о тех же увертках все ему говорила» (с. 265), на что приказчик замечает: «По моей нынешней страшной примете, не обретаю мудрых уверток в свете» (там же). В УЦ в соответствующем эпизоде, как и в предыдущем случае, подобные рассуждения об «увертках» купчихи отсутствуют: сразу после упоминания об уходе мужа следует сообщение о приказе купчихи затопить баню, которым начинается следующий эпизод.

В третьем – завершающем в К – эпизоде «бани» мотив «уверток» в соответствии с функцией эпизода меняет свое звучание: испытание приказчика и одурачивание мужа закончено: первый убедился в искусстве своей хозяйки выходить из щекотливого положения, второй – в невинности своей жены. Купчиха говорит своему возлюбленному: «...теперь полно, уверток моих было довольно, можно вам ныне со мною любитца, могу всячески от мужа отговоритца» (с. 266). В УЦ и в этом эпизоде, как и в предыдущих, тема «уверток» купчихи не звучит. Как мы уже отмечали, к ней автор обращается только в афористической концовке: «Нет на свете мудрее баб никого, хоть чорта самого обманут и того. Кто бабы хитрости не знает, тот сем раз в час обманут бывает. Бабы хитрости кто и знает, но от того скоро погибает» (л. 15 об.–16). Таким образом, мотив «бабьих уверток» из сюжетного мотива, организующего весь ход повествования и скрепляющего все эпизоды, каким он выступает в К, в УЦ сводится к мотиву, лишь завязывающему сюжет, который затем – в концовке Повести – трансформируется в назидательное резюме. Сюжетное же действие теряет четкую мотивированность, и телеологический сюжет повести-фацеции превращается в усть-цилемском списке в типичный эпический сюжет, в котором эпизоды скреплены лишь единством героев и общей темой¹¹.

Сопоставительный анализ стихотворной фацеции и печорской повести выявляет также и различия их в обрисовке главных героев повествования, в трактовке их поведения в ходе развития сюжета.

Как мы уже отметили, завязка действия в обеих повестях оформлена с помощью мотива «бабьих уверток», но даже в этом сходном эпизоде К и УЦ различаются некоторыми нюансами в изображении поведения героев:

¹¹ О телеологических и эпических сюжетах в произведениях средневековой литературы см.: *Истоки русской беллетристики. Возникновение жанров сюжетного повествования в древнерусской литературе*, Ленинград 1970, с. 22–23.

К

Прикащику в то время было недосужно, имел особое дело нужно, с сердца сказал ей такие наветки: «Пишу, сударыня, бабы увертки. Не знал других речей к ответу болше сыскать, вскорости не осмотрелся то сказать» (с. 262–263).

УЦ

Юноша о нежданном госпожном приходе почудился и о сладких словах ей подивился, и что сказать ей не знал, и про любовь ея не ведал. Только ей на шутку сказал и то ей очунь не отказал: «Пишу я, судариня моя, женски увертки душечки моей» (л. 7).

Как видим, по сюжету К, герой-приказчик явно раздосадован приходом госпожи, которая отвлекала его от срочных дел, и ответ его хозяйке на вопрос, чем он занят, произнесен с раздражением («с сердца»), а содержание ответа мотивируется его «экспромтным» характером: «Не знал других речей к ответу болше сыскать, вскорости не осмотрелся то сказать». В УЦ юноша не столько раздражен, сколько поражен («почудился») внезапным появлением хозяйки и удивлен ее заботой о нем: «И о сладких словах ей подивился».

Дальнейшее повествование в К как бы раскрывает роковые последствия для приказчика его непродуманного ответа: по вине влюбленной в него хозяйки приказчик все время испытывает стрессовое состояние, что каждый раз подчеркивается в тексте специальными описаниями. Например, в эпизоде, когда хозяйка прячет приказчика за картину, в К мотив смертельного страха, пережитого героем, дважды передается с помощью его монолога: сначала внутреннего, затем – обращенного к хозяйке: «Прикащик стоял за картиной, умирает, какой помощи сыскать, не знает. Говорил: явная поспела причина, сим сделается неотменная кончина» (с. 263); «Прикащик: в том воля со мной твоя, а давешнего числа была смерть моя» (с. 264). После «испытания в шкафу», где приказчика едва не обнаружил вернувшийся домой купец, юноша, согласно К, едва не лишается дара речи: «Он же от того страха великого не отверзает и языка. Опамятовавшись, говорил: помилуй от сей напасти, уже одолели смертные страсти» (с. 265). В эпизоде «бани» приказчик, несмотря на все уверения женщины, что он может «уже никакой страсти не пужатца», также испытывает чувство страха. И даже в эпизоде повести, по К, уже став сам после смерти купца хозяином в доме, герой продолжает побаиваться «уверток» своей жены: «В житии же своем, сколько с ней не обращался, а как присмотрел, уверток боялся» (с. 266).

Совсем по-другому изображено поведение приказчика во всех этих ситуациях в УЦ. Герой печорской повести изображается скорее как соучастник «уверток» своей госпожи, нежели как их жертва. В эпизоде с картиной мотив страха, испытанного героем, хотя и сохраняется, но на нем не акцентируется внимание каким-то развернутым комментарием или словами самого приказчика (как в К). О состоянии юноши лишь вскользь упоминается в авторском повествовании («Как он (купец) стал направлять (ружье), а приказчик думал умирать» – л. 8 об.), после чего внимание читателя сразу переключается на действия купчихи. В других же эпизодах (сцена в шкафу, в бане) мотивы

страха, испытываемого приказчиком, его сомнений, вообще отсутствуют. Появляются они вновь только в финальном эпизоде печорской повести, в котором описываются любовные утехы купчихи с приказчиком, причем мотив испуга юноши выполняет здесь особую сюжетную функцию: с его помощью, с одной стороны, мотивируется поведение купца – объясняется, почему он поверил жене, с другой стороны, усиливается комизм ситуации: «Как купец пришел с водою, то увидял приказчика с госпожею, на одном одре лежаща и свое дело исполняюща. Думал, что она так лежит и приказчика от падучей болезни держит. Приказчик испугался, как бешеной, купец его водой ленул, а он только глазом мигнул. Купец думал точно так, что приказчик ушел там, от болезни свободился водой, не знал, что и делать с женой» (л. 15–15 об.).

Таким образом, в анализируемых повестях образ героя-любownika не одинаков. В стихотворной фацеции – это юноша, до самого финала испытанный «увертками» своей госпожи участвующий в них явно вопреки своему желанию. Он все время испытывает страх и удивление перед выдумками своей хозяйки, и только после последней хитрости купчихи (обман мужа в бане), герой как бы принимает правила ее игры: «с того времени приказчик жил с ней любовно, веселился всячески, сколко угодно» (с. 266). Но, даже женившись на купчихе, он испытывает страх перед ее возможными «увертками», жертвой которых может стать и он сам.

В печорской повести – это юноша, который не проявляет излишних эмоций в связи со своими приключениями и никак не комментирует действия купчихи. Когда же любовникам благодаря хитростям купчихи удастся несколько раз провести купца, приказчик, по сюжету УЦ, приходит в состояние самого безмятежного веселья: «Приказчик, что и делать не знал, только во все горло хохотал» (л. 15 об.).

Несколько различается в двух версиях повести о жене купца и образ главной героини. В К образ купчихи более ироничный, ее поведение сюжетно подчинено задаче доказать понравившемуся приказчику свои способности провести мужчину. Она все время подчеркивает свое превосходство не только над мужем, но и над любовником. В печорской повести образ купчихи иной: в начале она говорит приказчику «сладкие слова», затем, когда угощает его водкой, приговаривает: «На же ето выпей, душенька, от меня и отими всю давешнюю боязнь от себя» (л. 9 об.). Ее ирония направлена только на нелюбимого и глупого мужа.

Отметим также еще одно отличие печорской повести от стихотворной фацеции. Утрата последовательной мотивированности действия в УЦ «компенсируется» большей художественной конкретностью повествования, насыщенностью его бытовыми деталями и подробностями. Так, например, в печорской повести с большей конкретностью изображена сцена изгнания купца из бани. Если в К реакция его на действия жены (обливание водой) передана через прямую речь, в которой акцент сделан на великодушии мужа,

его смущении, в данном контексте производящих комический эффект, то в УЦ нарисован полный зрительной конкретики портрет промокшего, дрожащего от холода человека, вызывающего в данной ситуации скорее жалость, чем смех:

К

Муж: ах, душенька, нет, быть ничего, хотя б ты облила водою всего. Мойся одна, некуда мне спешить, а велю кафтан свой посушить. И тако муж простосердечной от дверей отошел, в свои покои раздеватца пошел (с. 266).

УЦ

Купец не с чего бросился со стыдом и скоро убежал во свой дом. Как дьявол, облитой бежал и от холодной воды весь дрожал. В бани нечего не видал, только стыда себе нахватал (л. 13).

Эта конкретность, детальность повествования доходит даже до некоторого натурализма в последнем эпизоде печорской повести, отсутствующем в фацеции, где весьма конкретно нарисована сцена прелюбодеяния купчихи и приказчика, увиденная глазами глуповатого мужа, готового найти любые, самые невероятные объяснения очевидного, лишь бы оправдать поведение своей молодой жены (см. ранее приведенную цитату с л. 15–15 об.).

В заключение сопоставительного анализа отметим и стилистические различия двух версий повести. В фацеции явно отразился стиль «петровских повестей» с характерными для них стилистическими оборотами и лексикой. В печорской повести язык более архаический, отражающий более ранний этап формирования литературного языка.

Таким образом, мы видим, что *Повесть о купце и о жене его лукавой*, входящая в состав печорского сборника ИРЛИ, УЦ 93, с одной стороны, построена на сюжетных мотивах, которые характерны и для русских сказок, и для переводных фацеций¹², с другой, содержит оригинальный текст, источник которого пока не обнаружен¹³. Возможно, им послужила стихотворная фацеция типа той, которую опубликовал А. В. Кокорев, но имевшая в своем

¹² Тот же тип отношений, как и в усть-цилемской повести, складывается между героями переводных фацеций, входящих в раздел «Жарты о женах и хитростях их»: *О сницаре и о плотяном истукане, О жене, всадившей гостя в полбочку, О двух женах, обольстивших своих мужей* (см.: О. А. Державина, *Фацеции. Переводная новелла в русской литературе XVII века*, Москва 1962, с. 125–126, 139–140, 153–165).

¹³ Исследование списка стихотворной фацеции *О лукавой жене и о прикащике* (БАН, 21.5.23 – см.: В. И. Срезневский, *Описание рукописей и книг, собранных имп. Академией наук в Олонецком крае*, Санкт-Петербург 1913, с. 188), на который В. И. Малышев указал как на близкий к печорскому списку (см.: В. И. Малышев, *Усть-Цилемские рукописные сборники...*, с. 35), показало, что он содержит текст, сходный не с печорским списком, а со списками, опубликованными А. В. Кокоревым, но имеет с ними довольно много различий, свидетельствующих о том, что в основу многочисленных печатных изданий этой стихотворной повести был положен список, близкий списку БАН, а не списку Лукашевича и Кокорева (см., например, сборник: *Старичок-весельчак, рассказывающий давния московския были*, Москва: Вольная типография Пономарева, 1792, с. 52–59).

сюжете дополнительный эпизод и более архаичная по стилю. Возможно также, сцена «болезни» приказчика, отсутствующая в других известных нам списках *фацеции*, внесена редактором, знакомым с аналогичным сказочным сюжетом. Редактор *фацеции* (возможно, из числа печорских крестьян) мог внести в *Повесть* и те стилистические изменения, сместившие акценты повествования, которые мы выявили в ходе анализа. Не исключено, что дальнейшее изучение рукописных сборников, включающих стихотворные *фацеции*, поможет выявить непосредственный источник печорской повести.

Обращаясь к другому аспекту изучения *Повести о купце и жене его лукавой* – ее месту в круге чтения печорских крестьян, следует отметить ее необычный для старообрядческого чтения характер – отсутствие прямой назидательности (присущей популярным на Печоре словам о злых женах), трактовки семейной темы в традиционном духе прославления супружеской верности и любви, изображения препятствий на пути такой любви, которые всегда преодолеваются героями (см., например, *Повесть о царице и львице*¹⁴, *Повесть о царевне Персике*¹⁵). Наличие в одном из печорских сборников, сохранившем автограф усть-цилемского крестьянина, далеко не «душеполезной» повести, с юмором и сочувствием описывающей проделки неверной жены, свидетельствует о том, что семейная тема привлекала печорских старообрядцев во всех своих гранях, в том числе и таких, которые высвечивали не идеальные, а вполне реальные человеческие отношения, легко узнаваемые и соотносимые с собственной, зачастую не безгрешной, жизнью.

¹⁴ Т. Ф. Чалкова, *Повесть о царице и львице в обработке И. С. Мяндина*, [в:] *Литература и классовая борьба эпохи позднего феодализма в России*, Новосибирск 1987, с. 234–247.

¹⁵ Т. Ф. Чалкова, *Повесть о царице и львице в обработке И. С. Мяндина*, [в:] *Литература и классовая борьба эпохи позднего феодализма в России*, Новосибирск 1987, с. 234–247.